

DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7302

ЦИФРОВАЯ ДЕВИАЦИЯ КАК ФЕНОМЕН НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ

М. В. Костоломова¹

¹Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН.
119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, стр. 1

Для цитирования: Костоломова М. В. Цифровая девиация как феномен новой социальной реальности: методологические основания и концептуализация понятия // Социологическая наука и социальная практика. 2020. Т. 8. № 2. С. 41–53. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7302

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме формирования явлений и процессов, характеризующих переход к новой социальной реальности в условиях глобального курса на всеобщую цифровизацию жизни. Ввиду уже сложившегося в научном сообществе преимущественно полемического, а часто и негативного дискурса на тему воздействия цифровых технологий на человека, в центре внимания оказывается вопрос о том, как цифровые технологии влияют на среднестатистического члена социума. Для того чтобы ответить на данный вопрос, необходимо учитывать не только «текущую» социальную реальность, но и цифровые тренды, которым автор даёт собственное определение. Обращение к девиантологии в контексте данной проблемы позволяет осуществить комплексный анализ «неполадок» социальной системы. Посредством историографического анализа формулируется вывод о том, что, не отвергая описанные теории, в условиях перехода к цифровой социальной реальности рождается потребность в уточнении и концептуализации адекватной происходящим переменам в обществе теории девиантного поведения. В качестве причин данного уточнения автор приводит основополагающие, системообразующие процессы социального масштаба, как, например, влияние глобализации или содержательные трансформации науки и образования. Особо выделяются изменения, которые происходят с современным человеком под воздействием цифровой среды: появляются новые социально-психологические черты, состояния, характеристики. Приводится их описание, классифицированное по уровню влияния на члена общества. Более глубокий анализ показывает, что эти новые состояния, реакции и черты «мимикрируют» в новые формы девиации. В статье теоретически обосновывается авторское определение цифровой девиации, её особенности и типология. Предполагается проведение эмпирического исследования по измерению цифровой девиации посредством построения соответствующих индикаторов.

Ключевые слова: цифровая девиация; цифровое девиантное поведение; цифровизация; социальная реальность; цифровые тренды; цифровые технологии.

Введение

Человеческая цивилизация переступила порог Четвёртой промышленной революции и стремительно движется к постоянно удаляющейся цели бесконечного прогресса науки и технологии. Это создаёт условия и возможности для глубокого

осмысления исследователями происходящих в глобальном обществе перемен. Приобрели и продолжают приобретать свои очертания последствия научно-технического «азарта» последних лет, а также формируются угрозы и риски, как явные, так и латентные. Рождаются новые смыслы, идеи и мировоззренческие позиции (например, трансгуманизм), формируется культ образа счастливого «оцифрованного» будущего (эффективно растиражированного СМИ и массовой культурой). В связи с этим среднестатистический член общества на индивидуальном уровне начинает сталкиваться с такими проблемами, которые ещё в недалёком прошлом сложно было предугадать. Невероятная скорость происходящих в обществе перемен не позволяет индивиду прийти в социально-психологическое равновесие, так как «мы переходим из эры заранее заданных “референтных групп” в эпоху “универсального сравнения”, в которой цель усилий человека по строительству своей жизни безнадежно неопределённа, не задана заранее и может подвергнуться многочисленным и глубоким изменениям прежде, чем эти усилия достигнут своего подлинного завершения: то есть завершения жизни человека» [Бауман, 2008: 10]. Строго говоря, «люди, подвергающиеся глубоким технологически обусловленным социальным изменениям, не ощущают сингулярности» и по сути своей являются сторонними наблюдателями [Magee, 2011].

Актуальные вопросы цифровизации, технологизации и роботизации общества являются на сегодняшний день предметом серьёзных исследований во многих странах, в них прослеживается как одногласие риторики (чаще всего критического характера), так и проявляются дискуссионные проблемные области. Однако основным вопросом, волнующим и исследователей, и широкий круг общественности, остаётся вопрос о том, *как цифровые технологии влияют на социум и его членов.*

Для того чтобы ответить на этот вопрос, необходимо учитывать не только новую, постоянно меняющуюся социальную реальность, но и слабо прогнозируемые *цифровые тренды, под которыми мы будем понимать в широком смысле совокупность явлений и процессов, требующих принудительной цифровизации человеческой жизнедеятельности. В узком смысле — это конкретные, зависящие от отрасли деятельности и динамики развития цифровых технологий запросы, требования, ожидания в отношении трансформации социальной структуры.* Качество поставленного вопроса требует решения на социетальном уровне, что, в свою очередь, подразумевает анализ глобальных последствий цифровизации нашей «текущей современности». З. Бауман считал, что люди становятся морально амбивалентны, стирается понятие общей, универсальной «морали для всех». Большая часть общества проживает свою жизнь «с неразрешимыми моральными дилеммами» [Бауман, 2008: 13].

Однако это лишь одно из многих последствий экспансионистского наступления цифровых технологий. Об их негативном влиянии предупреждают не только представители социально-гуманитарных наук, но и биологи, нейрофизиологи, психиатры. В лексиконе учёных каждый год появляются новые понятия и термины для определения отклонений и разнообразных *девиантных форм поведения.*

Концептуализация новых аспектов теории девиантного поведения

Девиантология – одна из немногих отраслей социологического знания, через призму которой возможно осуществлять комплексный анализ структурных «неполадок» социальной системы. Понятие «девиации» как отклонения от установленной, некоей универсальной нормы, широко используется в различных научных областях. Так, например, ещё в 1970-е гг. вышел сборник статей «На пути к теоретической биологии. Т. I. Прологомены», в котором даётся следующее понимание девиации: «*Девиации присущи всем (физической, биологической, социальной) есть динамическое состояние, единство процессов сохранения и изменения. Девиации (флуктуации, мутации уровням и формам организации мироздания. В современной физике и химии отклонения обычно именуется флуктуациями, в биологии – мутациями, на долю социологии и психологии выпали девиации. Существование каждой системы (физической, биологической, социальной) есть динамическое состояние, единство процессов сохранения и изменения. Девиации (флуктуации, мутации) служат механизмом изменчивости, а, следовательно, существования и развития каждой системы. Без девиаций “ничего никогда породить не могла бы природа”, а “порождения” природы не могут без девиаций изменяться (развиваться). Отсутствие девиаций системы означает её не-существование, гибель...»* (Цит. по: [Гишинский, 2004: 13].

С позиции социологической науки отправной точкой в концептуализации понятия «девиация», принято считать теорию аномии Э. Дюркгейма, которую впоследствии развил функционалист Р. Мертон.

Представители конфликтологической школы отмечали, что девиация возникает из-за конфликта социальных групп (Л. Козер, Р. Квинни).

Благодаря И. Гофману и Г. Беккеру в середине XX в. в социологическом контексте широкую популярность обрела теория стигматизации, согласно которой «клеймению» подвергаются члены социума, «отклоняющиеся» от навязываемых им обществом или большинством идей, мнений, нравов и ценностей.

Р. Э. Парк, Э. Бёрджен и Э. Хьюз объясняли возникновение девиантного поведения влиянием социального контроля, который «никогда не может обеспечить постоянное состояние равновесия в обществе», но «всегда действует таким образом, чтобы привести тот или иной конфликт к соглашению и подчинить индивидов необходимым требованиям социального порядка» (Цит. по: [Козер, 2006: 277]).

Согласно мнению представителей социально-психологического направления (Э. Фромм, З. Фрейд, К. Хорни, Р. Бэрон, Д. Ричардсон, И. А. Фурманов, Б. Крейхи и др.) ведущая роль в формировании и проявлении отклоняющегося поведения отводится феномену агрессии, которая по различным причинам становится не только одной из доминирующих качеств члена общества, но и может «кристаллизироваться» и стать «отложенной» [Бандура, 2000].

Следует отметить, что вышеперечисленные теоретические построения классиков не исчерпывают перечень существующих теорий девиации и многочисленные попытки объяснить возникновение данного явления. Проблема девиантного по-

ведения интересовала также Ч. Ломброзо и У. Шелдона (биологическое объяснение девиации), Д. Сазерленда (теория дифференциальной ассоциации), Г. Тарда (теория подражания) и других исследователей. Немалый вклад в развитие девиантологии как научной сферы привнесли отечественные учёные (Н. П. Бруханский, А. А. Герцензон, А. А. Жажиленко, Е. Г. Ширвиндт и др.), открыв в ней новые научные направления: делинквентность подростков, социальный контроль, девиантность военных и т. д. (см.: [Левченко, Свирская, 2012]).

Сегодня в условиях перехода к новой цифровой социальной реальности, не отвергая упомянутые теории и научные школы, следует отметить, что рождается потребность в концептуализации и уточнении адекватной происходящим переменам в обществе *теории девиантного поведения*. В качестве основополагающих причин обозначим следующие.

Во-первых, с середины XX в. существенно изменилось качество социальной структуры и её фундаментальные парадигмальные основания. Содержание многочисленных трансформационных процессов человеческой жизнедеятельности во всех без исключения областях отражает понятие «глобализация», чья суть — «одновременность транснациональной интеграции и национальной дезинтеграции» [Бек, 2001: 168]. В связи с этим исследователями сформулированы и продолжают развиваться многочисленные концепции новых модальных типов личности, таких как *Homo globalis* («человек глобальный») и *Homo digitalis* («цифровой кочевник») [Толстокорова, 2015]. Их появление ещё в начале 1980-х гг. предвидел Жак Аттали, когда писал о потенциальных возможностях, которые новые технологии предоставят человеку [Аттали, 1993].

Во-вторых, претерпела существенные изменения наука как системообразующий социальный институт. Приоритетными направлениями развития областей научного знания в последние десятилетия становятся конвергенция и стирающая границы междисциплинарность. Процессы расширения, размывания границ той или иной науки подталкивают к переосмыслению концептуальной основы, сути восприятия «оцифрованной» современности — *знания*. Конвергенция фактически означает новый научно-технологический уклад, выражаясь в формуле НБИКС, где Н — это нано, Б — био, И — информационные технологии, К — когнитивные технологии, а С — социальные технологии. Они базируются на изучении сознания, поведения живых существ и, в первую очередь человека, а основной целью их применения является развитие науки и технологии, которое позволило бы воспроизводить системы (в том числе антропоморфные) живой природы [Ковальчук, 2011: 13].

В-третьих, вслед за наукой претерпел изменения ещё один системообразующий институт — образование, которое сегодня активно цифровизируется и развивается в дистанционном формате. И хотя данный вид обучения имеет массу кажущихся преимуществ для современного человека, часто они оказываются иллюзией: чем больше информации получает человек, чем она доступнее, тем сложнее её систематизировать, анализировать и, тем более, получать преимущество от владения этой информацией. При этом страдает традиционное образование, его «изменение привело к подмене реальных результатов образования формаль-

ными показателями, что постепенно приводит к увеличению количества людей, не умеющих читать и считать, а главное — не умеющих понимать тексты» [Мягкова, 2016: 68]. Это провоцирует развитие функциональной неграмотности, которая негативно влияет на речевые способности человека. В конечном счёте начинает деградировать мышление, а значит и деятельностные способности человека.

В-четвёртых, существенно поменяла свой вектор массовая культура — теперь она часто популяризирует преимущества идеологии будущего, технического прогресса, искусственного интеллекта, мультителесности, бессмертия, киборгизации, а также пропагандирует знания о новейших научных и практических достижениях современных технологий [Костоломова, 2019].

В-пятых, у современного человека под воздействием цифровой среды появляются новые социально-психологические черты, состояния, характеристики, которые при более детальном рассмотрении «мимикрируют» в новые формы девиации. Условно типологизируем основные из них по уровням влияния.

Эмоциональный уровень («отчуждение» и негативные эмоции). Наиболее объёмно эмоциональное состояние современного потребителя цифрового контента можно описать с позиции теории отчуждения Г. Маркузе [Маркузе, 1994]. Возможность анонимного, безличного общения, доступность и открытость Интернета как гиперинформационного пространства порождают у человека чувство вседозволенности и безнаказанности. Поэтому в сети он может выразить те эмоции или осуществить те действия, которые не может себе позволить по разным причинам в реальности. Как показывают исследования, чаще всего это негативно окрашенные эмоции, указывающие на различные формы извращений, комплексов, психологических патологий, агрессивных выпадов в сторону совершенно незнакомых людей [Лисенкова, 2017]. Предположительно, такая реакция — это психоэмоциональный ответ чувству одиночества, нереализованности и потерянности в виду размытых границ между нормой и девиацией.

Физический уровень (структурные изменения мозга и снижение физической активности). Широкое распространение получает такое явление как «цифровое слабоумие», или «цифровая деменция» (digital dementia). Исследователи данного феномена утверждают, что цифровые технологии, как и вся цифровая среда в целом, оказывают негативное влияние на мозговую деятельность человека. Множество исследований, проведённых с 2007 г., когда Манфред Шпитцер ввёл понятие «цифровая деменция», указывают на формирование неутешительного тренда — в особой степени пагубное влияние цифровизации сказывается на детях [Шпитцер, 2013]. Доказано, что особенно маленькие дети предрасположены к формированию зависимости от гаджетов, что в будущем может влиять на их поведение и формировать ограничения в эмоциональном интеллекте, а чрезмерное использование Интернета подростками негативно сказывается на успеваемости и семейных отношениях [Martins et al., 2019].

Информационный шум, в котором живёт современный человек, провоцирует рассеивание внимания, постоянную отвлечённость от своей деятельности. Кроме того, исследования показывают, что повседневное использование

Интернета (например, социальных сетей) происходит по инерции, от скуки, а не ввиду назревшей необходимости. Это провоцирует не только бессознательное потребление так называемой «мусорной» информации, но и повышенный риск развития патологических психических состояний, особенно среди молодежи [Stockdale, Coyne, 2020]. При этом в сознании человека посредством внешних факторов формируется ложное представление о своей способности к «многозадачности» как к обязательному навыку.

Погружённость в виртуальный цифровой мир существенно снижает и физическую активность человека, что, безусловно, негативно сказывается на его самочувствии и здоровье.

Социально-коммуникативный уровень (характер взаимодействия с другими, позиционирование себя – стратегии поведения). Незнакомое людям в доцифровую эпоху виртуальное общение сегодня практически полностью замещает общение реальное. Лингвисты, филологи и социокультурологи утверждают, что одной из специфических черт виртуального общения становится «вектор центробежного дискурса», когда «сообщая какую-то информацию или отвечая на информационный запрос, мы не слишком заинтересованы в адресате. Главное сегодня – высказаться, “себя показать”, а на другого мы согласны именно “посмотреть” как на некий объект, причём в нашем восприятии отнюдь не всегда одушевлённый» [Северская, 2016: 114]. Таким образом меняется само понятие коммуникации как процесса взаимодействия между людьми, утрачивается ценность «живого» человеческого общения, диалога. Человек теряет способность слушать и слышать другого – вместо этого он пребывает в перманентном информационном шуме, в круглосуточном состоянии бытия «в доступе», «на связи».

Формируются адекватные новой социальной реальности стратегии поведения или адаптируются существующие. Эскапизм как способ избегания личности проблемных и некомфортных ситуаций в реальности проявляется в полном погружении в виртуальный мир (Интернет, компьютерные игры, социальные сети). Доказано, что такая погружённость обладает компенсаторной функцией при наличии психосоциальных проблем, в связи с чем оценка учёными такой поведенческой стратегии неоднозначна [Kardefelt-Winther, 2014].

Интеллектуальный уровень (информационная экспансия и деградация). Отрицательное влияние Интернета на когнитивные способности человека подтверждено большим количеством исследований российских и зарубежных учёных. Систематизируя и сводя воедино огромный массив полученных данных, можно констатировать, что основными критериями, указывающими на негативное влияние Интернета, выступили: во-первых, характер способов получения, обработки и усвоения знаний, во-вторых, форма, содержание и логика изложения собственных мыслей, то есть, речь.

Интернет провоцирует человека, часто помимо его воли или желания, на получение ненужной ему информации, но тем не менее, оказывающей сильное воздействие на его сознание и мыслительные процессы. Кроме того, что она фрагментарна и обрывиста, такая информация оказывает деструктивное влияние

на внимание, смещая его с поставленных целей и задач, и часто обладает негативно окрашенным эмоциональным подтекстом (агрессивные новости, навязчивая и раздражающая реклама и пр.). Поэтому у многих исследователей «есть опасения, что в мире искусственной неопределённости и переизбытка информации именно это и разучатся делать люди — находить данные, извлекать информацию, получать знания, их анализировать и получать таким образом некоторое преимущество» [Самотовинский, Масленникова, 2019: 193].

Рассуждая о воздействии цифровой среды на речь человека, его способность чётко и ясно излагать свои мысли, исследователи акцентируют внимание на проблеме её примитивизации. Происходит формирование шаблонного, «формульного» общения, когда теряется смысл в необходимости выстраивать диалог с виртуальным собеседником, поскольку цифровое устройство предлагает для этого готовый шаблон. Также сильное влияние на речь оказывает язык Интернета как уже самостоятельная символично-знаковая система, характеризующаяся часто сознательно ошибочным написанием слов, использованием неологизмов, заимствований и т. д. В совокупности эти процессы и явления приводят к тому, что люди перестают понимать как друг друга, так и получаемую извне информацию, неверно интерпретируя последнюю. В связи с этим, обладая таким приобретённым и искажённым смыслово-речевым аппаратом (то есть будучи функционально неграмотными), индивиды конструируют соответствующую социальную реальность.

Мировоззренческий уровень (курс на бессмертие). В условиях перехода к новой цифровой социальной реальности существенным образом меняются фундаментальные мировоззренческие установки и концепции, появляются общественные движения и организации, имеющие глобальное влияние на сознание социума. Некоторым из них удалось завоевать немалое количество сторонников и последователей — они являются понятным «продуктом» для молодого поколения, с первого этапа социализации погружённого в цифровой мир. В то же время такие установки и концепции кажутся приемлемыми и понятными для людей более зрелого возраста, так как уходят корнями в середину XX в., когда они были представлены в сюжетах научно-фантастических произведений. Наиболее ярким примером здесь может выступить трансгуманизм. «Известен тот факт, что предтечи трансгуманизма появлялись в работах многих писателей, учёных-футурологов на протяжении всей истории. Ник Бостром <...> отмечает, что независимо от господствующей парадигмы, главной целью человека было не только территориально и социально расширить границы существования, но ментально и духовно, а также преодолеть конечность жизни — достигнуть бессмертия» [Костоломова, 2019: 17].

Если сторонники *трансгуманизма* в качестве основной цели использования достижений научно-технического прогресса видят «бесконечное» улучшение человека и его физиологических характеристик, то последователи такого направления, как *постгендеризм*, видят главную цель использования достижений науки и передовых биотехнологий в добровольном устранении гендера у человека. Постгендеристы считают, что существование гендерных ролей, социальной стратификации, а также когнитивных и физических различий в целом оказывают негативное влияние на жизнь отдельных людей [Dvorsky, James, 2008].

Другие направления и течения, такие как *экстропианство*, *сингулярианство*, *иммортиализм* также являются плодами информационно-цифровой эпохи. Практически всех их объединяет оптимистичный взгляд на будущее, ожидание новых научно-технологических открытий, способных изменить жизнь человека и решить все его проблемы.

Активное распространение подобных идей и мировоззренческих установок стало возможным благодаря цифровым технологиям и той среде, которую они формируют. Вне зависимости от сути информации, её объёма и иных характеристик, однажды оказавшись в цифровом пространстве, она остаётся там навсегда. Но наибольшие опасения вызывает то, что такая информация перестаёт быть контролируемой, оказывая влияние на тех, кто её воспринимает. Например, благодаря сети Интернет декларируемые последователями постгендеризма идеи устранения пола как физической и видовой характеристики человека могут свободно распространяться, формируя у людей соответствующие мировоззренческие установки.

Цифровая девиация: определение, виды, особенности

В связи с тем, что современная социальная реальность приобретает новую качественную характеристику, т. е. становится цифровой, требуют переосмысления методологические подходы к анализу этой реальности. Проанализированные выше причины концептуализации и уточнения адекватной происходящим переменам в обществе теории девиантного поведения указывают на то, что в принципе формируется новый тип девиантного поведения, которое можно определить как *цифровая девиация (цифровое девиантное поведение)*.

Цифровая девиация или цифровое девиантное поведение – это совокупность нетипичных, отклоняющихся от социальных норм, эмоциональных, физических, социальных, интеллектуальных и мировоззренческих реакций человека на кардинальные изменения социальной реальности, вызванные влиянием цифровизации на все уровни человеческого бытия.

При этом *под социальными нормами мы понимаем совокупность общепризнанных правил, паттернов поведения, обусловленных функционирующей в конкретной социальной среде системой ценностей и обеспечивающих устойчивость, упорядоченность и стабильность социального взаимодействия.*

В качестве характерных *особенностей* цифрового девиантного поведения обозначим следующие:

- Как правило, такое поведение не несёт в себе реальной физической угрозы для окружающих; более того, от самого человека часто ускользает осознание нанесённого им ущерба другому (например, оскорбление), если, конечно, он не делает этого намеренно. Скорее всего, это происходит от иллюзорного ощущения безнаказанности, виртуальной недостижимости, анонимности. Но в любом случае индивид практически всегда вредит себе.

- Цифровая девиация может носить латентный характер – получая психоэмоциональную разрядку в сети, человек в реальной жизни не испытывает потребности нарушать установленные нормы, проявлять свои отклонения и пр.

- Отсутствие реальных санкций в отношении «цифрового» девианта¹: глобальность сети, возможности цифровых технологий и полная анонимность максимально помогают исключить вероятность «разоблачения».

- Проявление цифровой девиации скорее правило, нежели исключение: например, практически каждый член социума определённого возраста имеет стойкую зависимость от социальных сетей и Интернета, не говоря уже о недобровольном, но обязательном погружении в цифровую среду на бытовом уровне (работа, учёба).

- Цифровая девиация носит комплексный характер проявления ввиду соответствующего характера воздействия цифровизации: на интеллект (речь и мышление), на физиологическое состояние (мозг и весь организм в целом), на психоэмоциональный фон (взаимодействие с виртуальными визави и перманентность информационного шума), на реальную социальную жизнь, на мировоззренческие и ценностные установки и т. д.

- Вследствие динамичного и нелинейного развития цифровых трендов будущие формы цифровой девиации являются сложно прогнозируемыми. Новые отклонения или трансформация существующих, вероятнее всего, будут формироваться в процессе следующего витка научно-технологического прогресса.

Несмотря на тот факт, что цифровое девиантное поведение, как было упомянуто ранее, это совокупная реакция человека на перманентно трансформирующуюся социальную среду, разнообразные реакции могут проявляться независимо друг от друга. Поэтому целесообразно привести условную *типологию видов цифровой девиации* по уровню проявления и воздействия на человека.

1. Эмоциональный уровень – *«отчуждённый в цифровой толпе»*.

Жизнь современного человека насыщена широким спектром испытываемых им эмоций. Посредством цифровой среды стало возможным выразить весь поток как положительных, так и сугубо отрицательных эмоций. «Отклонение» проявляется, когда общение для человека в сети служит средством выброса негатива, демонстрации патологических психоэмоциональных состояний и пр. Для такого девианта доступность, открытость и анонимность цифровой среды – это провокация, призыв к действию. Кроме того, чувство «перманентной коннективности», доступное сегодня каждому, порождает парадоксальное ощущение, с одной стороны, близости со всем миром, с другой стороны – отчуждения от него, индифферентности. Такой диссонанс обостряет чувство одиночества.

¹ Важно отметить, что дискурс темы исследования изначально не учитывает реальных преступников и их группировки или запрещённые организации. Их отклоняющееся поведение не является порождением цифровой эпохи, они используют её ресурсы как инструмент в своих преступных целях. Раскрытием подобных преступлений также с помощью цифровых технологий и с применением соответствующих санкций занимаются специальные государственные структуры.

2. Физический уровень – «цифровая деменция».

Неадекватно глубокое погружение в цифровую среду формирует не только психоэмоциональную зависимость, но и структурные изменения мозга (особенно у детей), что, по прогнозам учёных, может выразиться в различных хронических расстройствах, связанных с ухудшением памяти и общей умственной деградацией.

3. Коммуникативный уровень – «цифровой нарциссизм».

Феномен виртуального, в особенности анонимного общения с другим/другими-проявляется в гипертрофированном сосредоточении человека на самом себе: на своих ответах, реакциях и представлениях о том, как его видят «по ту сторону экрана». Собеседник, как правило, воспринимается в качестве некоего эфемерного, «не настоящего» объекта, существующего в какой-то иной реальности.

4. Социальный уровень – «виртуальный эскапизм».

Неопределённость социального положения личности в реальности часто приводит к виртуальному эскапизму как способу избегания проблемных ситуаций и нежелания их решать. В силу своей компенсаторной функции сглаживания психосоциальных проблем эта стратегия поведения оценивается неоднозначно.

5. Интеллектуальный уровень – «знаю всё и ничего».

Огромные потоки информации, доступные человеку сегодня, сформировали у него ощущение уверенности, стабильной просвещённости в любой теме. Вместе с этим пришло обесценивание самого знания и интеллектуального процесса его «добычи». Цифровой мир гиперссылок породил «интеллектуальную лень» – практически любая информация может быть найдена в сети Интернет.

6. Ценностно-мировоззренческий уровень – «кто я».

Человек теряет свои ценностные и мировоззренческие установки, он не понимает, кем является в этом мире, что теперь хорошо, а что плохо, где границы толерантности и собственного мнения – слишком велико разнообразие предлагаемых и часто навязываемых вариантов. Несмотря на кажущееся многообразие выбора цифровая среда формирует свои тренды на восприятие и оценку жизни, основополагающих ценностей и «правильных» установок. Такая «цифровая мода» не даёт человеку быть собой, усугубляя чувство подавленной растерянности и подталкивая к напускному конформизму.

Необходимо уточнить, что приведённая типология цифровой девиации представляет собой общую теоретическую ступень разработки данной темы. Более детальное изучение данной проблемы подразумевает *эмпирическое измерение* цифрового девиантного поведения как проблемы, имеющей конкретный базис в виде одновременно разворачивающихся многофакторных социальных процессов, сопровождающих цифровизацию и формирующих новую социальную реальность.

Список литературы

- Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М.: Международные отношения, 1993. 133 с.
Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.

- Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
- Бек У. Что такое глобализация? / Пер. А. Григорьев, В. Седельник. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 304 с.
- Гилинский Я. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. 520 с.
- Ковальчук М. В. Конвергенция наук и технологий – прорыв в будущее // Российские нанотехнологии. 2011. Т. 6. № 1–2. С. 13–23.
- Козер Л. А. Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте / Пер. с англ. Т. И. Шумиловой; под ред. И. Б. Орловой. М.: Норма, 2006. 513 с.
- Костоломова М. В. Трансгуманизм: от идей к парадигме // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2019. № 6. С. 17–22. DOI: 10.20339/AM.06-19.017
- Левченко В. В., Свирская Е. С. Развитие отечественной девиантологии в СССР [Электронный ресурс]: Гуманитарные научные исследования. 2012. № 10. URL: <http://human.snauka.ru/2012/10/1850> (дата обращения: 26.03.2019).
- Лисенкова А. А. Философия агрессии в цифровую эпоху // Философские науки. 2017. № 6. С. 137–147.
- Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Рефл-бук, 1994. 368 с.
- Мягкова Е. Ю. Цифровое слабоумие: миф или реальность? // Слово и текст: психолингвистический подход. 2016. № 16. С. 68–73.
- На пути к теоретической биологии: Т. 1. Прологомены / Пер с англ. С. Г. Васецкого; под ред. и с предисл. акад. Б. Л. Астаурова. М.: Мир, 1970. 184 с.
- Самотовинский Д. В., Масленникова О. Н. «Побочные эффекты» цифровизации как вызов системе образования // Российский университет в неустойчивом мире: глобальные вызовы и национальные ответы. Сборник трудов конференции. 05–08 февраля 2019 г., г. Иваново. Иваново, Ивановский гос. ун-т, 2019. С. 192–199.
- Северская О. И. Есть контакт? О коммуникативных девиациях цифровой эпохи // Коммуникативные исследования. 2016. № 4 (10). С. 107–119.
- Толстокорова А. В. Человеческое измерение глобализации: модальные типы личности // XVIII Международная конференция памяти проф. Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования», 19–20 марта 2015 г., г. Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2015. С. 730–739.
- Штумцер М. Антимозг. Цифровые технологии и мозг. М.: АСТ, 2013. 288 с.
- Dvorsky G., James H. Postgenderism: Beyond the Gender Binary. Hartford, CT: Institute for Ethics and Emerging Technologies, 2008. 18 p.
- Kardefelt-Winther D. The moderating role of psychosocial well-being on the relationship between escapism and excessive online gaming // Computers in Human Behavior. Vol. 38. September 2014. P. 68–74. DOI: [10.1016/j.chb.2014.05.020](https://doi.org/10.1016/j.chb.2014.05.020)
- Magee L. Christopher, Devezas C. Tessaleno. How many singularities are near and how will they disrupt human history? // Technological Forecasting and Social Change. Vol. 78. Is. 8. October 2011. P. 1365–1378. DOI: [10.1016/j.techfore.2011.07.013](https://doi.org/10.1016/j.techfore.2011.07.013)
- Martins M. V et al. Adolescent internet addiction a role of parental control and adolescent behaviours. [Electronic resource]: International Journal of Pediatrics and Adolescent Medicine. December 2019. URL: <https://www.sciencedirect.com/search/advanced?qs=internet%20adolescents> (date of access: 13.02.2020).
- Stockdale Laura A., Coyne Sarah M. Bored and online: Reasons for using social media, problematic social networking site use, and behavioral outcomes across the transition from adolescence to emerging adulthood // Journal of Adolescence. Vol. 79. February 2020. P. 173–183. DOI: [10.1016/j.adolescence.2020.01.010](https://doi.org/10.1016/j.adolescence.2020.01.010)

Дата поступления в редакцию: 16.03.2020. Принята к публикации: 08.05.2020.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Костоломова Марина Викторовна — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. *E-mail:* m.kostolomova@yandex.ru
AuthorID РИНЦ: 783830

DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7302

Digital Deviance as a Phenomenon of New Social Reality: Methodological Foundations and Conceptualization

Marina V. Kostolomova¹

¹Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS.

6-1, Fotievoi str., Moscow, Russia, 119333

For citation: Kostolomova, M. V. (2020). Digital deviance as a phenomenon of new social reality: methodological foundations and conceptualization. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 8. P. 41–53. DOI: 10.19181/snsp.2020.8.2.7302

Abstract. This article deals with the current issue to develop the phenomena and processes, which characterize the transition to new social reality in a global course for the universal digitization of human life. Referring to the existing polemical and negative discourse in the academic circles as to digital technology influencing man, the author's focus turns to the question of how digital technology influences an average member of society. To answer this question, one should take into account not only "liquid" social reality, but digital trends. The paper presents the author's definition of theirs. Further, the author refers to deviance study as part of sociological knowledge through which it is possible to make a comprehensive analysis of the social destruction. By using a historiographic analysis it is concluded that, not rejecting the described theories, in the transition to digital social reality there is a need for specifying and conceptualizing the theory of deviant behaviour adequate to the changing times in society. The reasons given for deviant behaviour the author provides the fundamental and system-creating processes of society as a whole. Among the reasons of no small important analyzed by the author, for instance, the impact of globalization or the substantial transformations of science and education, the changes in happening to modern man under the influence of the digital environment are emphasized. The author notes that modern man has new social-psychological traits, conditions, characteristics. The paper gives their description classified according to their influence on the member of society. When being more approximately studied by researchers, these new conditions, reactions and traits blend in the new forms of deviance. The article also theorises the author's definition of digital deviance (digital deviant behaviour), its peculiarities and typology. An empirical study on measuring digital deviance by computing the relevant indicators is intended to be conducted.

Keywords: digital deviance; digital deviant behavior; digitization; social reality; digital trends; digital technology.

REFERENCES

- Attali Zh. (1993). *Na poroge novogo tysyacheletiya*. [On the threshold of the new Millennium]. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya publ. 133 p. (In Russ.).
- Bandura A. (2000). *Teoriya sotsial'nogo naucheniya*. [Theory of social learning]. SPb.: Evraziya publ. 320 p. (In Russ.).
- Bauman Z. (2008). *Tekuchaya sovremennost'*. [Fluid modernity]. SPb.: Piter publ. 240 p. (In Russ.).
- Bek U. (2001). *Chto takoe globalizatsiya*. [What is globalization?]. M.: Progress-Tradiciya publ. 304 p. (In Russ.).
- Gilinskii Ya. (2004) *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubiistv i drugikh «otklonenii»*. [Deviantology: the sociology of crime, drugs, prostitution, suicide, and other "deviations"]]. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press publ., 520 p. (In Russ.).

Koval'chuk M. V. (2011). Konvergentsiya nauk i tekhnologij – proryv v budushchee. [Convergence of science and technology – a breakthrough into the future]. *Rossijskie nanotekhnologii*. T. 6. № 1–2. P. 13–23. (In Russ.).

Kozer L'yuis A. (2006). *Mastera sotsiologicheskoy mysli. Idei v istoricheskom i sotsial'nom kontekste*. [Masters of sociological thought. Ideas in historical and social context]. M.: Norma publ. 513 p. (In Russ.).

Kostolomova M. V. (2019). Transgumanizm: ot idej k paradigme. [Transhumanism: from ideas to paradigm]. *Alma Mater. Vestnik vysshej shkoly*. № 6. P. 17–22. DOI: 10.20339/AM.06-19.017 (In Russ.).

Levchenko V. V., Svirskaya E. S. (2012). Razvitiye otechestvennoj deviantologii v SSSR. [Development of domestic deviantology in the USSR]. [Elektronnyj resurs]: *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*. № 10. URL: <http://human.snauka.ru/2012/10/1850> (data obrabshcheniya: 26.03.2019). (In Russ.).

Lisenkova A. A. (2017). Filosofiya agressii v tsifrovuyu epohu. [The philosophy of aggression in the digital age]. *Filosofskie nauki*. № 6. P. 137–147. (In Russ.).

Markuze G. (1994). *Odnomernyj chelovek*. [One-dimensional man]. M.: Refl-buk publ. 368 p. (In Russ.).

Myagkova E. Yu. (2016). Tsifrovoe slaboumie: mif ili real'nost'? [Digital dementia: myth or reality?]. *Slovo i tekst: psikholingvisticheskij podkhod*. № 16. P. 68–73. (In Russ.).

Na puti k teoreticheskoy biologii: T. 1. Prolegomeny. (1970). [On the way to theoretical biology: Vol. 1. Prolegomena]. M: Myr publ. 184 p. (In Russ.).

Samotovinskij D. V., Maslennikova O. N. (2019). «Pobochnye efekty» tsifrovizatsii kak vyzov sisteme obrazovaniya. [“Side effects” of digitalization as a challenge to the education system]. *Rossijskij universitet v neustojchivom mire: global'nye vyzovy i natsional'nye otvety*. P. 192–199. (In Russ.).

Severskaya O. I. (2016). Est' kontakt? O kommunikativnyh devitsiyah tsifrovoj epokhi. [Have you made contact? About communication deviations of the digital age]. *Kommunikativnye issledovaniya*. № 4(10). P. 107–119. (In Russ.).

Tolstokorova A. V. (2015). Chelovecheskoe izmerenie globalizatsii: modal'nye tipy lichnosti. [The human dimension of globalization: modal personality types]. *XVIII Mezhdunarodnaya konferentsiya “Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire”*. Ekaterinburg, UrFU publ. P. 730–739. (In Russ.).

Shpitzer M. (2013). *Antimozg. Cifrovye tekhnologii i mozg*. [Anti-brain Digital technologies and the brain]. M.: AST publ. 288 p. (In Russ.).

Dvorsky G., James H. (2008). *Postgenderism: Beyond the Gender Binary*. Hartford, CT: Institute for Ethics and Emerging Technologies, 18 p.

Kardefelt-Winther D. The moderating role of psychosocial well-being on the relationship between escapism and excessive online gaming. *Computers in Human Behavior*. Vol. 38. September 2014. P. 68–74. DOI: 10.1016/j.chb.2014.05.020

Magee L. Christopher, Devezas C. Tessaleno. How many singularities are near and how will they disrupt human history? *Technological Forecasting and Social Change*. Vol. 78. Is. 8. P. 1365–1378. DOI: 10.1016/j.techfore.2011.07.013

Martins M. et al. (2019). Adolescent internet addiction a role of parental control and adolescent behaviours. [Electronic resource]: *International Journal of Pediatrics and Adolescent Medicine*. URL: <https://www.sciencedirect.com/search/advanced?qs=internet%20adolescents> (date of access: 13.02.2020).

Stockdale Laura A., Coyne Sarah M. (2020). Bored and online: Reasons for using social media, problematic social networking site use, and behavioral outcomes across the transition from adolescence to emerging adulthood. *Journal of Adolescence*. Vol. 79. February P. 173–183. DOI: 10.1016/j.adolescence.2020.01.010.

The article was submitted on March 16, 2020. Accepted on May 08, 2020.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kostolomova Marina Viktorovna, Candidate of Sociology, Leading Researcher, Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia.

E-mail: m.kostolomova@yandex.ru

ORCID Id: 0000-0003-4097-9287

Web of Science ResearcherId: H-1743-2016